

УДК 94(571.1/5):343.81

**ПРОВЕДЕНИЕ ЭВАКУАЦИИ МЕСТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ТЮРЕМНОГО ВЕДОМСТВА
РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА А. В. КОЛЧАКА НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ**

Д. Р. Тимербулатов

**EVACUATION OF PLACES OF DETENTION AND PRISON DEPARTMENTS
OF KOLCHAK'S RUSSIAN GOVERNMENT IN SIBERIA**

D. R. Timerbulatov

В статье рассматривается осуществление эвакуации и условия размещения учреждений пенитенциарной системы в Западной и Восточной Сибири в период функционирования правительства Колчака.

The paper considers the implementation of the evacuation and terms of placement of the penitentiary system institutions in Western and Eastern Siberia in the period of Kolchak's government.

Ключевые слова: пенитенциарная система, Гражданская война на востоке России, эвакуация.

Keywords: penitentiary system, Civil War in the East of Russia, evacuation.

Начало весны 1919 г. в Поволжье было ознаменовано широкомасштабным наступлением армий белых в районе бассейна реки Кама. Для восстановления системы управления на занятых территориях была организована реэвакуация служащих и учреждений из Сибири, которые были вывезены осенью-зимой прошлого года в связи с наступательными действиями войск красных. В тот момент Административный совет Временного Сибирского правительства, озабоченный большим количеством нетрудоустроенных чиновников, бежавших из Европейской части России от большевиков, издал постановление от 28 октября 1918 г. о порядке привлечения к работе в местах размещения прибывших лиц [1, с. 135]. Через четыре месяца вооруженным силам А. В. Колчака удалось перехватить инициативу на фронте, что привело к перемещению на запад эвакуированных работников органов власти.

Например, помощник начальника Тюменской тюрьмы Саутин, возглавлявший до своего переезда место заключения в городе Бугульме, после известия о взятии данного уездного центра, выразил ходатайство о возвращении на прежнюю должность. Для скорейшего удовлетворения прошения управляющий Тобольской губернией В. Н. Пигнатти своим приказом от 15 мая 1919 г. освободил его от исполнения обязанностей в пенитенциарном учреждении Тюмени. Подобные действия встретили нарекания со стороны Главного управления мест заключения (ГУМЗ) в Омске, поскольку распределение должностей V-го и VI-го классов, что соответствовало служебному положению Саутина, исходило только от министра юстиции по выбору начальника тюремного ведомства. В итоге, когда Бугульма вновь оказалась в руках красных, Саутин остался не у дел, так как среди административных чинов пенитенциарных учреждений Тобольской губернии не осталось вакансий [2]. Схожая ситуация произошла с эвакуированным помощником делопроизводителя Уфимской тюремной инспекции М. И. Кабановым, который, как и остальные служащие данного ведомства, был прикомандирован к Акмолинскому областному комиссариату [3]. Допущенный в начале 1919 г. к исполнению обязанностей помощника начальника Омской тюрьмы, М. И. Кабанов,

проработав на новом месте несколько месяцев, был уволен согласно приказу управляющего областью из-за требования возобновить свою деятельность в Уфе. Но обстановка на фронте быстро изменилась, в результате чего упомянутый служащий оказался также вне персонала пенитенциарной системы [4].

Следует отметить, что в связи с политикой Омского правительства по расширению штатов различных ведомств, а также острым недостатком в опытных кадрах, возникла необходимость к привлечению большего количества работников из сибирских территорий. Причем, нередко назначения осуществлялись своего рода «заранее» в те районы, которые вооруженным силам «белой Сибири» еще предстояло занять. К примеру, назначенный в середине апреля Министерством юстиции начальником Омской областной тюрьмы надворный советник В. Адамов, возглавлявший до этого пенитенциарное учреждение города Мариинска [5], согласно приказу от 5 мая 1919 г. был направлен в Оренбург в качестве помощника губернского тюремного инспектора [2]. Однако, этот важный стратегический пункт на реке Урал, несмотря на атаки воинских частей белых, сохранился под контролем Советов.

По истечении некоторого времени наступательный порыв вооруженных соединений антибольшевистских сил на Восточном фронте стал иссякать. Как отмечает исследователь А. В. Ганин, главной причиной этому послужило отсутствие плана взаимодействия армий в момент проведения операции, причем представления о дальнейших действиях войск в случае успешного форсирования Волги носили весьма туманный характер. Свою роль в срыве наступления сыграли весенняя распутица, которая слабо учитывалась командованием при разработке проведения операции, а также возросшее сопротивление красных. Кроме того, Российское правительство испытывало дефицит не только в квалифицированных служащих, но и кадровых офицерах, что негативно сказывалось на устойчивости воинских подразделений, которые достаточно часто с оружием в руках переходили на сторону противника [6, с. 71]. В условиях изменения обстановки на фронте, которая ознаменовалась отступлением войск белых, перед правительством Колчака

летом 1919 г. остро встала необходимость обеспечения организованной эвакуации государственных учреждений и их персонала.

Необходимо учитывать, что на тот момент в России существовал некоторый опыт проведения подобных мероприятий. До начала Первой мировой войны предварительных планов по выводу предприятий или институтов власти с театра боевых действий практически не существовало, поскольку в отношении вероятного противника (Германия и Австро-Венгрия) предполагалось ведение только наступательных операций. Но в 1915 г. в связи с Великим отступлением русской армии, в результате которого войскам Центральных держав досталось все имущество на занятых ими территориях, было принято решение создать компетентное ведомство по вопросам эвакуации. Таковой стала Эвакуационная комиссия при особом совещании по обороне во главе с председателем Госдумы М. В. Родзянко. При этом проблема налаживания работы вывезенных учреждений на новых местах сохранялась до самого конца войны [7, с. 48].

После захвата власти большевиками в Петрограде и переезда оттуда Совнаркома в связи с переносом столицы в Москву в марте 1918 г., вызванным опасениями возможного наступления немцев, советской властью была создана система органов по управлению эвакуацией под названием Всероссийская эвакуационная комиссия (ВСЕРЭКОМ). Причем все трудности в данной сфере, имевшие место в дореволюционное время и нерешенные на тот момент, усугублялись плохим состоянием транспорта и общим хаосом в стране, который со временем только усиливался. Все стороны Гражданской войны, в особенности те, кому удалось в той или иной степени сформировать систему управления и наладить хозяйственную жизнь в контролируемых ими районах, из-за быстро меняющейся военной обстановки, при проведении эвакуаций вынуждены были считаться со сложившимися условиями.

Организованное Реввоенсоветом Восточного фронта контрнаступление вынудило белых оставить многие населенные пункты Предуралья, в том числе Уфу. Согласно приказу командования Западной армией 29 мая 1919 г. весь личный состав пенитенциарного учреждения данного города вместе с казенным имуществом был вывезен в Томск. К моменту прибытия, начальнику Уфимской тюрьмы С. Н. Извекову было поручено составить опись материалов, принадлежащих месту заключения, а также подробные именные списки эвакуированных чинов стражи и других лиц с указанием их должностей на прежнем месте службы и окладов содержания. Необходимость подобных мер не являлась простой формальностью, поскольку управлению Томской губернией предписывалось зачислить перевезенных людей в штат местных пенитенциарных учреждений. В результате имущество Уфимской тюрьмы было передано на хранение, а ее личный состав в количестве 23 человек был распределен между местами заключения, располагавшихся в городе Томске [8]. В дальнейшем губернская тюрьма и Исправительно-арестантское отделение № 1 из-за недостатка в опытных охранниках изъявляли желание получить большее число эвакуированных

чинов надзора, поскольку зачисление новых работников проходило вопреки тем требованиям, которые содержались в соответствующем приказе. Например, начальник первой в своем рапорте от 25 июля 1919 г. просил сделать распоряжения по поводу пополнения персонала места заключения не 6 лицами для осуществления контроля над арестантами, как предполагалось ранее, а только 4. В ответ губернский инспектор указывал на то, что для осуществления надзора в Исправительно-арестантском отделении необходимы эвакуированные служащие, а именно старший надзиратель Баландин и еще один младший чин тюремной стражи, чтобы охранять мастерские при данном пенитенциарном учреждении.

Когда стратегическая обстановка окончательно сложилась в пользу Советов и о возможности возвращения потерянных территорий не могло идти речи, встал вопрос о судьбе прибывшего из Уфы имущества места заключения. Так как начальник Извеков к тому моменту решил оставить службу по тюремному ведомству и возбудить ходатайство о своем переводе в действующую армию, собственность тюрьмы, находившаяся в его распоряжении, в условиях нарастающего дефицита вызвала интерес ряда лиц. В конце августа в губернскую тюремную инспекцию обратился командир 1-й батареи Сибирского кадрового Артиллерийского дивизиона капитан Прошанин с просьбой о предоставлении во временное пользование имущества Уфимского пенитенциарного учреждения. Через некоторое время губернское руководство получило запрос и от уполномоченного Министерства снабжения по Томской и Алтайской губернии Тыжнова об экстренной выдаче ему всего железа, принадлежащего эвакуированной тюрьме. Местные власти высоко оценивали собственность места заключения Уфы, осознавая, что вывезенные материалы крайне необходимы для пенитенциарной системы города Томска. Несмотря на меры по скрытию данной информации, Тыжнову стало известно о наличии железа в количестве 300 пудов из частных разговоров с Извековым.

Для решения вопроса принадлежности эвакуированной собственности в помещение Томской тюремной инспекции на 10 часов утра 2 сентября 1919 года был приглашен отправленный в отставку бывший начальник Уфимской тюрьмы. Помимо него в здание по адресу улица Садовая, №4 был вызван представитель от Исправительно-арестантского отделения № 1. Очевидно, это было сделано с целью передачи данному месту заключения всей эвакуированной собственности. Для освидетельствования приема казенного имущества и денежных средств от Извекова также присутствовал член Томской контрольной палаты. Отсутствие капитана Прошанина в инспекции в момент передачи материальных средств не помешало ему получить согласие ГУМЗ в городе Омске в ответ на запрос Управляющего губернией на выдачу некоторых хозяйственных принадлежностей. Командиру 1-й батареи Сибирского кадрового Артиллерийского дивизиона были предоставлены во временное пользование под его личную расписку части портняжных, плотничных, сапожных, кузнечных и слесарных инструментов, а также два комплекта сбруи. Выдача данного имущества, производившаяся начальником Том-

ского Исправительно-арестантского отделения № 1, сопровождалась строгим условием возврата всего перечисленного по первому требованию в трехдневный срок [8]. Что касается железа, которое запрашивал Тыжнов, скорее всего, оно так и осталось в распоряжении тюремного ведомства, поскольку ГУМЗ оставила без ответа просьбу Уполномоченного Министерства снабжения.

В течение июня 1919 г. зона боевых действий смещалась все далее на восток, что привело к возникновению угрозы таким городам как Екатеринбург, Пермь и Челябинск. В связи с этим властями стал экстренно разрабатываться план эвакуации мест заключения на территории Урала. Несмотря на отсутствие развитой транспортной системы, осуществление вывоза арестантов и тюрем производилось несколькими способами. Наличие полноводных рек позволяло использовать для перевозки заключенных грузовые баржи, а Транссибирская магистраль паровозы и товарные вагоны. В случае невозможности использования при эвакуации средств передвижения арестанты добирались до места назначения своим ходом. Например, перед поражением отрядов Сибирской армии под Екатеринбургом, из местных тюрем была выведена примерно одна тысяча заключенных, в числе которых находилось около ста женщин [9]. Среди арестантов, подлежащих эвакуации, выделялась группа большевиков, которые были в свое время отобраны в пенитенциарных учреждениях города Томска генерал-майором А. Н. Пепеляевым, как особо опасные лица, и отправлены вместе с его штабом на запад. По воспоминаниям одного из них, М. Александрова, во время пути по Сибирскому тракту заключенным приходилось ночевать под открытым небом в сидячем положении, не имея возможности пошевелиться, поскольку это требовала охрана. Во время одной из остановок недалеко от города Ялуторовска арестант Лебедев, который также относился к томским большевикам, был вызван к начальнику конвоя Обоянцеву, оказавшемуся его армейским сослуживцем. Убедившись, что встретил знакомого, офицер приказал отделить его от основной массы заключенных и разместить при своей семье, чтобы тот выполнял функции «квартирмейстера».

В тот период подобные отношения с арестантами, которые противоречили должностным инструкциям, не были редкостью в среде тюремных служащих и чинов конвойных команд. При этом в условиях Гражданской войны для заключенных, особенно политических, возникали моменты, когда отсутствие порядка и слабая дисциплина в карауле приводили к угрозе их существования. Как писал Александров, в один из дней пути в момент объявления непродолжительного обеденного отдыха к арестантам подошла группа военнослужащих (прим. автора: *сам Александров отмечал, что это были казаки из полков атамана Б. В. Анненкова*). Игнорируя находящийся здесь же конвой, военные принялись искать среди заключенных большевиков. Что характерно, наличие крестика на шее рассматривалось как признак того, что его носитель не является «комиссаром». Благодаря этому, арестантам удалось убедить одного фельдфебеля, что находящийся среди них И. Л. Наханович, который за-

нимал должность председателя Томского революционного трибунала до свержения Советов в Сибири, совсем не еврей, а русский православного вероисповедания. Обстановка постепенно накалялась, но положение спасли уголовные заключенные, заверив, что все большевики были давно перебиты в дороге. На руку политическим арестантам сыграло также отсутствие у конвойной команды именных списков охраняемых лиц. Дальнейший путь до города Ишима, где к группе заключенных из Екатеринбурга была добавлена партия из местной тюрьмы в количестве 250 человек, был пройден без происшествий. Приближение же к Новониколаевску было отмечено распространением эпидемиологических заболеваний, из-за которых смертность среди арестантов значительно возросла. Кроме того, Александров вспоминал, что при прохождении через такие населенные пункты, как Тюкалинск, Татарск и Барабинск со стороны конвоя стали учащаться беспричинные расправы над заключенными. В итоге до станции Кривошеково добралось лишь 400 арестантов, которые были погружены в вагоны, направлявшиеся далее на восток [9].

Необходимо особо подчеркнуть, что при изучении периода Гражданской войны в таком источнике как воспоминания участников событий того времени, боровшихся на стороне Советов, встречаются многочисленные сведения об убийствах заключенных, в основном тех, кто содержался в тюрьмах по политическим мотивам. Подобные факты расправ характерны при описании эвакуации арестантов на речном или железнодорожном транспорте. В связи с этим в советской исторической литературе указанные средства передвижения получили названия «баржи смерти» и «поезда смерти». В действительности высокая смертность среди заключенных имела место, но из-за плохих условий содержания при перевозке. Согласно воспоминаниям большевика А. Вимба, помещенного в одну из уральских тюрем, в момент эвакуации при погрузке в товарные вагоны арестанты обнаружили, что там отсутствуют печи и нары. В начале пути питание узникам не выдавалось, что вызвало протест всего эшелона, в результате чего каждому человеку было выдано по половине фунта хлеба [10]. Подобная скудность провианта, а также множество вшей достаточно скоро привели к возникновению эпидемий. Вимба отмечает, что умерших от тифа временами не убирали из вагонов по несколько дней. В результате количество больных лишь возрастало. Аналогичное положение наблюдалось также при эвакуации других мест заключения на восток. Во время подготовки к перемещению арестантов и военнопленных из Тобольской губернии в Томск на двух баржах было размещено до 2,5 тыс. человек, из которых к моменту прибытия от болезней скончалось около 200 заключенных, что было вызвано теснотой помещений и отсутствием самой элементарной врачебной помощи [11].

В целом, если опустить плохие условия, в которых пребывали перемещаемые лица, содержащиеся под стражей, эвакуация тюрем в Сибирь осуществлялась относительно организовано. Более негативно оценивались результаты отступления войск, когда армейскому командованию не удалось вывезти с терри-

тории Урала большую часть продовольствия, вооружения и обмундирования, оказавшихся в распоряжении красных. Эвакуация же других государственных учреждений также не была подготовлена должным образом и сопровождалась значительными срывами [1, с. 147]. Перед тем как под Челябинском развернулись военные действия, в Омске был поднят вопрос о возможности переброски из города некоторых правительственных ведомств. Генерального штаба генерал-лейтенант А. П. Будберг, отвечавший за снабжение армии, высказывался в пользу того, чтобы очистить город от всех «небоевых учреждений в условиях приближения фронта» [12, с. 275]. Итогом обсуждений в Совете Министров стало создание 15 июля 1919 г. специальной комиссии при МВД, обязанностью которой являлась составление планов эвакуации органов власти, служащих и членов их семей, а также подготовка районов, на которых предполагалось разместить перевезенных людей и имущество.

С целью разгрузки мест заключения Акмолинской области, количество содержащихся в которых превышало норму в несколько раз, власти рассматривали возможность перевода части арестантов в пенитенциарные учреждения Восточной Сибири. Так, Департамент милиции МВД просил следователя при окружном суде разрешить эвакуацию некоторых из них, в том числе большевика К. А. Попова, из Омской областной тюрьмы. Численность находящихся в ней заключенных составляла около 900 человек, хотя само пенитенциарное учреждение было рассчитано на прием 200 – 300 арестантов [13]. Одновременно руководители тюремного ведомства, как и другие высшие правительственные чиновники, несмотря на отсутствие конкретных распоряжений о выезде из столицы «белой Сибири», старались заблаговременно позаботиться о своих семьях. Например, начальник ГУМЗ П. К. Гран в письме от 30 июля 1919 г. товарищу министра путей сообщения Г. М. Степаненко просил последнего выделить для его жены Анастасии Мариановны одно место первого класса в курьерском поезде, чтобы она могла добраться до Иркутска [14].

Ввиду продолжавшегося отступления армии органы власти приступили к более конкретным шагам по осуществлению организации перемещения государственных ведомств. В начале августа 1919 г. приказом министра внутренних дел был назначен Главноуполномоченный по организации и обустройству служащих правительственных учреждений. С целью выработки общего плана и обсуждения вопросов, связанных с предстоящей отправкой на восток, в помещении МВД по адресу улица Александровская, 19, были приглашены представители различных ведомств. Уполномоченным от ГУМЗ на встречу был направлен тюремный инспектор В. П. Степанов. По результатам данного заседания начальником тюремного ведомства было получено распоряжение от товарища министра юстиции А. П. Морозова, из содержания которого следовало, что ему разрешается выбрать любой город для эвакуации управления, поскольку для переезда из Омска в тот момент не имелось никаких препятствий. В силу того, что значительная часть заключенных была перемещена в Александровскую каторжную и пересыльную тюрьмы, а также в Троиц-

косавское пенитенциарное учреждение недалеко от города Благовещенска, П. К. Гран отдал предпочтение Иркутску [14]. Начальник ГУМЗ полагал необходимым вывезти тюремное ведомство с сокращенным составом служащих в количестве 22 человек, освободив 11 комнат в здании Судебных установлений, в которых размещалось его управление, для другого учреждения. Для скорейшего осуществления эвакуации П. К. Грану была предоставлена полная самостоятельность в вопросах административного и финансово-кредитного характера. До переезда в Иркутск начальника ГУМЗ, а также прибытия туда его помощника С. И. Новакова, приказом по тюремному ведомству от 18 августа 1919 г. за № 112 в Омске был оставлен В. П. Степанов для заведывания местами заключения и распределения служащих. Ответственность же за работу канцелярии была возложена на старшего делопроизводителя Д. И. Тамара, которому также предписывалось выехать из Омска позднее. В итоге 27 августа 1919 г. в 6 часов вечера Гран вместе со своим сыном Николаем, а также Главный инспектор по пересылке арестантов Н. Н. Соболевский и другие служащие, захватив с собой легкие вещи, выехали в Иркутск на поезде в вагоне № 814.

В это же время производилась эвакуация чинов администрации и надзора с территорий, к которым приближалась линия фронта. В телеграмме руководства тюремного ведомства Управляющему Акмолинской области указывалось на безотлагательное командирование в Читу всех надзирателей, которые были вывезены ранее с Урала, если те не состояли в штате местных тюрем [15]. Когда из-за ухудшения военной обстановки возникла прямая угроза захвата Омска, начальник ГУМЗ выразил прошение министру путей сообщения по поводу заблаговременного предоставления 18 вагонов для эвакуации в Иркутск служащих и имущества пенитенциарного учреждения областного центра [16]. Но, благодаря победному контрнаступлению войск белых в районе реки Тобол в сентябре 1919 г., перемещение государственных учреждений в Восточную Сибирь и Дальний Восток было приостановлено. Уверенность высших должностных чинов в изменении ситуации на театре боевых действий выразилась в переименовании комиссии по эвакуации в Межведомственное совещание по вопросам деэвакуации. К тому времени из Омска помимо ГУМЗ были выведены на восток только Экономический отдел Министерства снабжения и продовольствия и Экспедиция заготовления бумаг Министерства финансов [17, с. 366].

Некоторыми эвакуированными работниками стали выражаться намерения исполнять свои обязанности в тех должностях, которые они занимали до своего вынужденного отъезда, что выразилось в перемещении некоторых органов власти в обратном направлении. Так, сдав уголовных заключенных в количестве 160 человек начальнику Особого арестантского эшелона прапорщику Носикову и 70 лиц, обвиненных в нелояльности Российскому правительству, главе местной государственной охраны, начальник Петропавловской уездной тюрьмы Каргополов вместе с несколькими надзирателями 1 сентября 1919 г. был отправлен в Иркутск. Однако в данном месте заключе-

ния было оставлено еще около 200 арестантов, в результате чего военные власти в лице ротмистра Журавского, под контролем которого оказалось упомянутое пенитенциарное учреждение, стали выражать требование о возвращении гражданских служащих [18]. Необходимость присутствия тюремных чинов было вызвано не только отсутствием возможности осуществлять охрану такого количества заключенных, но и открывшимися злоупотреблениями со стороны прежней администрации. В связи с этим Журавский, обращаясь к своему командиру полковнику Руссиянову, указывал, что, скорее всего, Каргополов примет все возможное, чтобы остаться на востоке. Несмотря на это, подчинившись распоряжению руководства ГУМЗ, начальник Петропавловской тюрьмы вместе с некоторыми чинами надзора 6 октября 1919 г. покинул Иркутск, прибыв на место постоянной службы через десять дней. Но к исполнению своих обязанностей вернувшаяся администрация так и не приступила, как из-за продолжавшегося присутствия военных в месте заключения, так и по причине недостатка средств и персонала. Поэтому Каргополов обратился к управляющему области, чтобы начальник ГУМЗ сделал распоряжение о высылке имущества тюрьмы, а также откомандировании 7 надзирателей, которые были переведены в штат Иркутского пенитенциарного учреждения [16].

Подобная несогласованность ведомств и отсутствие строго выполняемого плана эвакуации лишь вносило дополнительные трудности в напряженную работу железнодорожного транспорта. Отсутствие порядка было характерно и для организации размещения перевозимых ведомств и служащих, которая не была налажена и во время эвакуации учреждений из уральских городов. Еще до отбытия тюремного ведомства из Омска, между Граном и иркутскими властями было согласовано, что по прибытии служащим тюремного ведомства будут выделены помещения для проживания. Управляющим губернией П. Д. Яковлевым было отдано соответствующее распоряжение Уполномоченному МВД по уплотнению квартир в Иркутске, которым были высказаны соображения в пользу дома Камова на Преображенской улице. Кроме того, начальник ГУМЗ П. К. Гран объявил заведующему местным приютом для арестантских детей П. Ф. Лейцингер, что все свободные помещения данного учреждения, в том числе лазарет, будут переданы эвакуированным чинам [14].

По прибытии в Иркутск старший делопроизводитель Д. И. Тамара попросил поместить в отделе хроники одного из периодических изданий города заметку о переезде тюремного ведомства в Центральную Сибирь. Также в ней указывалось, что действительный статский советник П. К. Гран 3 сентября 1919 г. приступил к службе и готов принимать лиц ежедневно с 10 до 11 утра. Местом встреч было обозначено помещение Иркутской губернской тюремной инспекции по адресу Большая улица, 27, где были временно размещены работники ГУМЗ. Но, несмотря на все меры, а также телеграмму Главноуполномоченного МВД управляющему губернией от 30 августа 1919 г. об обеспечении квартирами прибывших служащих, обещанные места для проживания не были готовы. В

это время власти в Омске получали сообщения от П. Д. Яковлева, в которых тот жаловался на нехватку свободных помещений в Иркутске, предлагая отправить эвакуированные ведомства далее на восток или же разместить их за городом. Поэтому даже личные посещения местного Уполномоченного служащими ГУМЗ и местной тюремной инспекции не привели к положительным результатам. В результате этого прибывшие чины к октябрю 1919 г. не имели ни постоянных служебных помещений, ни квартир. Более того, через месяц П. К. Гран получил ордер за подписью П. Д. Яковлева. Начальнику ГУМЗ предлагалось в односторонний срок освободить два номера (№ 33 и № 34) в гостинице «Модерн», где в последнее время он проживал. Необходимость в помещениях была вызвана массовым бегством министерств и других правительственных учреждений в связи с произошедшим захватом Омска красными. Вместо гостиничных номеров П. К. Грану было предложено остановиться в I-м районе Иркутска на Троицкой улице, № 53, на квартире Агафоновой и занять две комнаты. В ответ начальник ГУМЗ указал, что он занимает служебное положение, которое соответствует должности товарища министра. В связи с этим П. К. Гран требовал от управляющего губернией отменить распоряжение о своем выселении из гостиницы «Модерн» [19].

С такими же проблемами пришлось столкнуться при переезде осенью 1919 г. в Томск и сотрудникам Тобольской тюремной инспекции, которые усугублялись откровенно враждебным отношением местных властей. Положение было таково, что чины надзора, находившиеся в первой партии в момент эвакуации, умоляли свое начальство не оставаться в этом месте, а двигаться далее на восток в Читу. В подобной ситуации, бежавшим служащим с большим трудом удавалось обеспечить себя дровами, баней и свободными помещениями, что было особенно необходимо из-за приближавшихся холодов. В своем донесении от 20 октября 1919 г. управляющему Тобольской губернии, который также находился в Томске, эвакуированный тюремный инспектор Мирный описывал случай, что работники Исправительно-арестантского отделения № 1 требовали с прибывших чинов надзора 5 руб. за чайник кипятка [20]. В то же время помощник начальника каторжной тюрьмы Тобольска Гладышев с тремя малолетними детьми с трудом был размещен в помещении, где ранее просушивались картофель, морковь и другие продукты. Неудобства бытового плана были таковы, что способствовали усилению приступов помешательства у жены Томашевича, находившемуся в той же должности.

Отсутствие участия при расквартировании своих сослуживцев отчасти объяснялось неприязненным отношением Томского губернского тюремного инспектора П. П. Боголепова, который исполнял прежде аналогичные обязанности в Тобольске. Мирный, не знавший его лично, был поражен тем, что к нему была проявлена бестактность и даже грубость со стороны лица, контролировавшего местную пенитенциарную систему. Данные из других документов свидетельствуют, что П. П. Боголепов действительно испытывал антипатию к своим бывшим подчиненным. Например, им, после перевода в Томск, на протяжении долгого

времени отвергалась кандидатура Иконникова, служившего начальником Тобольской каторжной тюрьмы, на должность помощника инспектора [21]. Из всех эвакуированных служащих П. П. Боголеповым был оказан радушный прием лишь Зобнину, который числился в администрации вывезенной губернской тюрьмы. Прибывший же Тобольский инспектор мест заключения встретил не только препятствия, связанные с самостоятельными поисками жилья, но и нежелание нижестоящих чинов местного тюремного ведомства выполнять его распоряжения. В результате этого прибывшие баржи с казенным имуществом, так и не были до конца разгружены, а ящик с отчетностью кассы Тюменской тюрьмы оставался в течение долгого времени на улице.

Рассматривая такой аспект правительственной политики при А. В. Колчаке, как подготовка и осуществление эвакуации административного аппарата, следует признать, что в нем нашли отражение все не-

достатки системы власти, созданной антибольшевистским движением на востоке России. Отсутствие предварительно разработанных планов и несогласованность действий между государственными ведомствами вызывали трудности, как для перевозимых, так и для принимающих лиц. Если летом 1919 г. проведение эвакуации осуществлялось более или менее налажено, то осенью из-за оттока на восток большого числа беженцев и перегруженности транспорта, оно было полностью дезорганизовано. Вывоз же пенитенциарных учреждений был особенно труден, в силу необходимости перемещения большого числа содержащихся в них людей, а также многочисленного имущества мест заключения. При этом условия эвакуации служащих ГУМЗ, инспекций и тюрем при всех имевшихся проблемах не могли сравниться с тем, что испытывали при переезде заключенные, среди которых из-за этого было немало тех, кто не добирался до пункта назначения.

Литература

1. Рынков, В. М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918 – 1919 гг.) / В. М. Рынков. – Новосибирск: Научное издание, 2008. – 460 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 827. Оп. 1. Д. 2. Л. 27 – 51.
3. Асмолинские областные ведомости. – 1918. – 7 декабря.
4. Вестник Асмолинской области. – 1919. – 10 мая.
5. Вестник Томской губернии. – 1919. – 9 мая.
6. Ганин, А. В. Враздробь, или Почему Колчак не дошел до Волги / А. В. Ганин // Родина. – 2008. – № 13.
7. Мелия, А. А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР / А. А. Мелия. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. – 120 с.
8. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р. – 839. Оп. 1. Д. 4. Л. 4, 22, 48 – 50, 66, 71 – 72, 94 – 96, 114 – 116 об.
9. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П. – 483. Оп. 1. Д. 363. Л. 28 – 32.
10. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 4204. Оп. 4. Д. 72. Л. 3.
11. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П. – 5. Оп. 3. Д. 204. Л. 3 об.-4.
12. Будберг, А. П. Дневник белогвардейца / А. П. Будберг. – Минск. Харвест, 2001. – 335 с.
13. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 19. Оп. 5. Д. 13. Л. 14.
14. ГАРФ. Ф. 827. Оп. 1. Д. 31. Л. 9-10 об, 20, 23, 30, 62-62 об., 93, 96-96 об.
15. ИАОО. Ф.1617. Оп.1. Д.35. Л.112.
16. ИАОО. Ф.1617. Оп. 1. Д. 117. Л. 16.
17. Зырянов, П. Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России / П. Н. Зырянов. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 460 с.
18. ГАРФ. Ф. 827. Оп. 1. Д. 35. Л. 45.
19. ГАРФ. Ф. 827. Оп. 1. Д. 57. Л. 27-28.
20. ГАРФ. Ф. 827. Оп. 1. Д. 175. Л. 119 об-121 об.
21. Вестник Томской губернии. – 1919. – 19 сентября.

Информация об авторе:

Тимербулатов Дмитрий Радикович – аспирант кафедры новейшей отечественной истории факультета истории и международных отношений КемГУ, 8-960-900-36-17, noi@history.kemsu.ru.

Dmitriy R. Timerbulatov – post-graduate student at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University..